

совпадающих классификационных признаков можно объяснить тем, что многие признаки катастрофы как всеобъемлющего бедствия универсальны: *последствия, локализация, общая оценка, форма проявления, причина, размер, результат, возможность предвидения, темпоральная характеристика, достоверность информации*. Специфические классификационные признаки для английского концепта: *непредсказуемость, возможность планирования*.

Можно прийти к выводу, что национальная специфика концептов проявляется в наличии несовпадающих когнитивных признаков, в разной яркости тех или иных когнитивных признаков в национальных концептах, в разной полевой организации одноименных концептов (то, что в одном языке составляет ядро, в другой культуре может относиться к периферии) в различиях в присутствии разных когнитивных классификаторов и их различном статусе в категоризации денотата: одни классификаторы важнее и ярче в одной культуре, другие – в другой.

Список литературы

1. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 226 с.
2. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 191 с.
3. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.
4. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Воронеж : Истоки, 2007. – 61 с.
5. Язык и национальное сознание (Вопросы теории и методологии). – Воронеж, 2002. – 151 с.

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИДЕИ НЕБЫТИЯ (на материале русского и калмыцкого языков)

И.Н. Очирова

Статья посвящена синтаксическому концепту «Небытие», его репрезентации в русском и калмыцком языках, а также философскому обоснованию выражения идеи небытия в этих языках.

The article is devoted to the syntactic concept of “Non-existence” of its representation in the Russian and Kalmyk languages, and philosophical explanation of expressing the idea of Non-existence in those languages.

Ключевые слова: концепт, синтаксический концепт, небытие, философия небытия, русский язык, калмыцкий язык.

Key words: concept, syntactic concept, non-existence, philosophy of non-existence, the Russian language, the Kalmyk language.

«Появление того или иного концепта требует его репрезентации. Маркирование концепта осуществляется как языковыми средствами, так и паралингвистическими» [4, с. 21]. Язык называют основным средством объективации концепта (В.В. Колесов, З.Д. Попова, А.И. Стернин, Е.С. Кубрякова, В.И. Казарина и др.). «В процессе коммуникации концепт получает языковое выражение, как правило, не до конца вербализуясь, репрезентируясь, представляясь с помощью языковых средств. Слово отражает лишь часть концепта и потому язык изобилует различными лексическими единицами, возникшими в человеческом стремлении перевести язык мозга на язык речи» [2, с. 11].

В объективации концепта языковыми средствами участвуют лексемы, фразеосочетания, свободные словосочетания, предложения и даже тексты [6, с. 55].

По содержанию концепты подразделяют на представление (мыслительная картинка), схему, понятие, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт (А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин). В основе типовой дифференциации лежит понимание концепта как комплексной мыслительной единицы, различные уровни которой ак-

туализируются в процессе мыслительной деятельности, являя собой либо чувственное отражение отдельных признаков или целого предмета, явления, либо обобщенную схему структурированных знаний, либо результат осмысления существенных признаков предмета, явления, либо некоторую совокупность знаний о предмете, явлении, либо последовательность эпизодов во времени, либо комплексную структуру отдельных явлений в сознании.

Вслед за З.Д. Поповой, И.А. Стерниным, Г.А. Волохиной, В.И. Казариной, М.М. Булыниной в семантическом пространстве языка мы различаем лексические, лексико-фразеологические и синтаксические концепты, то есть концепты, которые объективированы соответственно словами, фраземами или синтаксическими структурами.

Если вопрос о возможности лексемы и фраземы быть репрезентантами концепта в лингвистике можно считать решенным и не вызывающим сомнений у исследователей, то вопрос о вербализации концепта синтаксическими структурами является дискуссионным и «находится на стадии разработки» [3, с. 3; 10, с. 77]. Основной причиной дискуссии по поводу синтаксического концепта является то, что категория синтаксического концепта «мало разработана» [4, с. 22].

Наше исследование направлено на разработку способов объективации синтаксического концепта на материале концепта «Небытие».

Репрезентантами синтаксического концепта «Небытие» в русском языке являются структурные схемы простого предложения (далее – ССПП) «кого / чего нет (не было, не будет)», «кого / чего нет (не было, не будет) где когда», «у кого нет (не было, не будет кого / чего)», «кто не делает чего», «нет (не было, не будет) ни кого / чего», некого / нечего / нечем / некому / нечему / некуда / негде / незачем / не о чем и т.д. + *inf*, не хватает (недостает) кого/чего, кому не видно / не слышно чего и др. (*И не было лишь, к явному разорению гробовщиков, ни одного смертного случая* (И. Ильф, Е. Петров. «Двенадцать стульев»); *Сундучок Востриковых, к неудовольствию отца Федора, также был оклеен картинками, но не было там ни Буденного, ни батумских красоток* (там же); *Носков под штиблетами не было* (там же); *Искры не было минут десять* (там же); *А на самом деле никогда больше этого не будет* (И. Ильф, Е. Петров. «Золотой теленок»); *У него не было даже пальто* (И. Ильф, Е. Петров. «Двенадцать стульев»); *Ему не хватало только гармоники и новых свистящих калош, чтобы походить на подгулявшего кустаря-одиночку* (там же); *Он (человек) не платит налогов, не имеет жены, знакомые не дают ему займы денег «до среды», шоферы такси посылают ему вдогонку оскорбительные слова, девушки смеются над ним: они не любят идеалистов* (там же); *Конечно, я не встретил ни сочувствия, ни понимания* (Л. Улицкая. «Даниэль Штайн, переводчик»); *Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича* (А.С. Пушкин. «Метель»); *Возвратись, мой ангел; а то нынешней зимой мне не с кем будет разделять моих невинных наблюдений и некому будет передавать эпиграмм моего сердца* (А.С. Пушкин. «Роман в письмах»); *Украсть у нас, кажется, нечего* (Л. Улицкая. «Даниэль Штайн, переводчик»).

Как известно, среди индоевропейских языков только в славянских языках сформировался синтаксический концепт «Небытие». В других языках его нет [3; 5].

Что касается неиндоевропейских языков, то можно сказать, что в монгольских языках, в частности, в калмыцком, идея небытия присутствует не в такой степени, как в славянских, но существует ССПП, репрезентирующая исследуемый концепт, правда, не с родительным, а с именительным падежом, называющим отсутствующий объект или субъект: *кен/юн* (кто/что) *уга* (нет) (*Энд усн бээнэ* (Здесь есть вода) – *энд усн уга* (Здесь воды нет)). Если сравнивать с английским языком, то идея небытия в последнем морфологически не реализуется вообще. Отсутствие кого- или чего-либо выражается путем включения в бытийное предложение отрицания: *he is at home* (Он дома) – *he is not at home* (Его нет дома).

Чтобы объяснить это явление, возможно, следует обратиться к философскому вопросу: «С чего берет свое начало мир: с бытия или небытия?»

С точки зрения традиционной западной философии, «философии бытия», небытие – это часть бытия, не отрицание его, а один из способов существования того, что есть.

В отличие от западной культуры, восточной более близка «философия небытия», которая предлагает совсем иное – за исходный пункт, за точку мирового отсчета она берет не бытие, а его противоположность – небытие. Все из небытия приходит и в небытие уходит. Небытие есть отсутствие. Небытие бывает относительным (конкретным) и абсолютным.

Относительное небытие локализовано в бытийном пространстве и времени. Объект, помещенный в небытие, отсутствует в конкретном месте и в конкретное время.

«Абсолютное небытие не имеет пространственной локализации. Собственное пространство абсолютного небытия – бесконечность. Абсолютное небытие всюду в собственном пространстве – бесконечности и нигде в пространстве бытия. Абсолютное небытие – небытийная реальность. Оно реально не существует как бытие, но оно есть в качестве вечности и бесконечности» [12, с. 128].

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что небытие трактуется, во-первых, как отсутствие кого-либо или чего-либо в мыслимом пространстве или времени, а во-вторых, как несуществование вообще, а в некоторых случаях и смерть.

Современная концепция соотношения языка, мышления и культуры базируется на условном разделении окружающей человека действительности на реальную, культурную (понятийную и концептуальную) и языковую картину мира. Реальная картина мира – это объективная внечеловеческая данность, это мир, окружающий человека. Концептуальная картина мира – это глобальный образ мира, существующий в сознании человека, то есть «отражение реальной картины мира через призму понятий (концептов), сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное» [13, с. 39–41].

Языковая картина мира – это «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [8, с. 57–60].

По мнению Е.С. Кубряковой, опыт человека по взаимодействию со средой отражает язык, и именно такой объективированный в языке опыт образует языковую картину мира. Языковая картина мира отражает уже познанный и освоенный поколениями людей, говорящих на данном языке, мир и содержит результаты его картирования; она предлагает определенные классификации всего сущего и создает некие русла, по которым может течь мощный поток человеческих мыслей [7, с. 32–34].

На нас влияют не столько образующие языковой картины мира, сколько наши реальные наблюдения за происходящим, формы нашего взаимодействия с миром; наши мысли о мире. Между миром действительности и миром языка надо поместить мир мыслей (обобщений, осознания действительности, ее осмысления, притом не только в вербализованной, но и образной, эмоциональной и, зачастую, подсознательной форме). Языковая картина мира, таким образом, не столько прямо воздействует на мышление и познавательные процессы, сколько ориентирует, косвенно служит «организации и упорядочиванию знаний по заранее заданным схемам и категориям, прототипический характер организации которых разрешает их дальнейшее развитие, преобразование и даже разрушение. На нас воздействуют не столько метафоры, сколько обстоятельства, которые вынуждают их создавать. Различные модели мира и различные языковые картины мира оказываются следствием моделирующей способности самой метафоры как средства интерпретации мира, наиболее лингвистически относительной в картинах мира разных языков и наиболее национально специфичной и действенной для языковой картины мира отдельно взятого языка» [7, с. 32–34].

Так как концепт формируется в сознании людей на основании опыта определенного этноса и является образом представления знаний человека об окружающем его мире, то мы можем говорить о том, что для славян небытие и бытие представляли разные категории, и это, скорее всего, можно объяснить близким соседством древних

славян с племенами-представителями восточной культуры, вследствие чего в языковой картине мира славян сформировалось представление о бытии и небытии, схожее с представлением этих категорий, в частности, в некоторых алтайских языках.

Этим, возможно, объясняется и более позднее по сравнению с концептом «Бытие» формирование концепта «Небытие» в славянских языках.

Предложения, основанные на базе ССПП, репрезентирующих этот концепт в русском языке, отличаются особой выразительностью и экспрессией. Вероятно, поэтому на базе этих структурных схем образовались и продолжают образовываться фразеологические единицы, а некоторые ССПП сами стали фразеосхемами, например, фразеосхемы, включающие инфинитив в качестве основного предикатива: *Нечем было писать, нечего делать* и т.д. [11].

Если обратиться к фраземам, то многие из них, выражающие идею небытия, образовались на базе «небытийных» ССПП. Прежде всего, это ССПП «ни кого/чего или ни кого/чего ни кого/чего» (*ни звука, ни кола ни двора, ни сучка ни задоринки, ни слуху ни духу* и др.), семантика которой – «несуществование, отсутствие потенциально неединичного субъекта». Данная семантика реализуется в ССПП, лежащих в основе представленных примеров: *Какой-то дуралей помещик имеет хорошенькую дочку, и хотя от роду ничего не читал и не смыслит в литературе ни бельмеса, хочет во что бы то ни стало отдать ее за литератора* (В. Беллинский. «Барон Брамбеус»); – *Пусти, говорит, пару недель пожить. Ну, думаем, и обчистит же он ее! Ни-ни, ни волоска не взял* (В. Шукшин. «Беседы при ясной луне»); *Вокруг ни живой души. Артур послышал. Долгий, тоскливый звук потерянно прозвучал в пустоте* (Ю. Нагибин. «Павлик»); – *Когда вы меня посетили, то ведь чаю вовсе не было, Павел Михайлович! Ни соринки его не было, а ведь открыться перед вами гордость помешала* (А.П. Чехов. «Кошмар»); – *Вылезли мы из погреба на свет божий, а света божьего и нет. От нашего двора – ни былочки ни поживочки, одна черная печка, а окрест глянули – и деревни нету. Одна дорога. И поле* (Е. Носов. «Шопен, соната номер два»); – *Глядеть противно! Скоро уже сорок лет, ни кожи ни рожи, а также, поди ты, напудрилась, завилась, корсет надела* (А.П. Чехов. «Муж»); *Жили они у самого берега, в нищенской лачужке и в страшной бедности: ни кола ни двора ни куриного пера* (Г. Успенский. «Новые времена»).

На базе схемы «нет (не было, не будет) чего/кого» (семантика схемы – отсутствие объекта в мире, в мыслительном пространстве воспринимающего лица), также образовалось значительное количество фразеологизмов – *Стыда в глазах нет у мужика: женатый, а у девичьих окон гремит!* (О. Маркова. «Шест у двора»); – *Авдотья, ты никак с самого обеда торчишь у люльки, ни одного снопа не связала... Брось, говорю!.. Эки, право, ни стыда в них нет, ни совести!..* (Григоревич. «Пахатник и бархатник»). Часто состав фразем расширяется за счет включения слов *ни единого, ни одного, ни малейшего*, которые интенсифицируют действие, явление или признак, усиливают сему отсутствия: *А сама так и дрожит, так и трясется вся, в лице ни единой кровиночки нет* (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Невинные рассказы»).

Близкие по структуре и семантике фразеологизмы встречаются и в калмыцком языке. Несмотря на то что русский и калмыцкий языки разноструктурные, идея небытия, реализуемая в калмыцкой ССПП «кен/юн уга (кто/что нет)», претворяется с не меньшей экспрессией и выразительностью, чем в русском языке, что позволило стать ей базой для образования калмыцких фразеологизмов. Например: *Эмтэ (киитэ) юми уга. – Ни живой души. Емм уга. – Нет вины, не виноват. Жив-здоров. Һартан Һурви моңги уга, Һазаһан хуцх ноха уга. – Ни кола, ни двора. Маля цокх зэ уга. – Негде ступить. Оددг Һазр уга, орде нүки уга. – Без роду, без племени. Ни кола, ни двора. Седкднь зовлц уга, севркэднь заг уга. – Жить не зная горя. Жить припеваючи. Эн-тер гих зэңг уга. – Нет никаких новостей. Ничего особенного (нового) [1] (Бууһад энд-тендэн халэн гихнь – эмтэ нег юми уга. Үзгдхас нег цөөкн модн гермуд архалдад үзгднэ – нань киитэ юми уга (Н. Манжин); Лиж-Һәрэд емм уга. Йос толһалгч күн йосна заасар бэгхугов тер. Аһхнд бэгхлэ, доладг, гәлд бэгхлэ, күртдг гидм... (Б. Баснга); Һунжсан хурлд бәр, гәлмән түүрмд, хавтхдг арвн арслцгарн ном*

умиул, Нэгмнэс эрк бичэ у, юута үлдн гижээнэв тегэд? **Бартап нурви мөцги уга, Һазанан хуцх ноха уга...** (Б. Баснга); **Яах билэ. Oddг Һазр уга, ордг нүки уга үлднэ гидг эн. Та хойр дэжжэ энд эргэд бээхлэ, бэргдлгэ бээхи угат. Үүнэси нег Һазрин көндлү талнь эрлти** (Б. Баснга).

Стоит заметить, что практически всегда калмыцкие фразеологизмы с отрицанием *амта* (*киштэ*) *юмн уга, гем уга, oddг Һазр уга, ордг нүки уга* переводятся на русский язык при помощи фразеологизмов, построенных на основе структурной схемы **НИ N₂**: *ни одной живой души, нет вины, ни кола ни двора* и т.д., что говорит о структурно-семантической близости отдельных ССПП даже в разноструктурных языках и о том, что идея небытия в когнитивном аспекте универсальна.

Список литературы

1. Бардаев Э. Фразеологический словарь калмыцкого языка / Э. Бардаев, Г. Ц. Пюрбеев, Б. Муниев. – Элиста, 1990. (
2. Булынина М. М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта: На материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта : дис. ... д-ра филол. наук / М. М. Булынина. – Воронеж, 2004.
3. Волохина Г. А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж, 1999.
4. Казарина В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании) : дис. ... д-ра филол. наук / В. И. Казарина. – Елец, 2003.
5. Копров В. Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского, венгерского языков) / В. Ю. Копров. – Воронеж, 1999. – 160 с.
6. Красных В. В. От концепта к текст и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) / В. В. Красных // Вестник МГУ. – 1998. – № 1. – С. 53–70. – (Сер. 9. Филология).
7. Кубрякова Е. С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира / Е. С. Кубрякова // Филология и культура : мат-лы IV Междунар. науч. конф. (г. Тамбов, 16–18 апреля 2003 г.). – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 32–34.
8. Мыркин В. Я. В какой мере язык (языковая система) является отражением действительности? / В. Я. Мыркин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 3. – С. 57–60.
9. Очирова И. Н. Концепт «небытие объекта» в калмыцкой и русской лингвокультурах / И. Н. Очирова // Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Элиста, 2009. – С. 88–89.
10. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – 191 с.
11. Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З. Д. Попова. – Воронеж : Истоки, 2009. – 209 с.
12. Солодухо Н. М. Понимание онтологического статуса небытия / Н. М. Солодухо // Известия КГАСУ. – 2006. – № 1 (5). – С. 126–128.
13. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – С. 39–41.
14. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878, [2] с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ДВОЙНОГО ОТРИЦАНИЯ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ (на материале немецкоязычных газет и журналов)

С.Г. Половинина

В статье рассматриваются средства выражения двойного отрицания в немецком языке и их функции в рекламных текстах. Ее целью является изучение различных лексических, грамматических, синтаксических средств выражения двойного отрицания на всех языковых уровнях для правильного понимания и оценки рекламной информации. Двойное отрицание – одно из средств выражения интензивности в языке. Оно выполняет ряд функций в рекламном тексте – информационную, эмоциональную, экспрессивную и другие. Двойное отрицание играет роль информационного аттрактора и интенсификатора оценки и эмоциональности в рекламном дискурсе. Средства двойного отрицания служат эффективному решению коммуникативных и прагматических целей рекламного дискурса.

The article is devoted to double negation in the German language and its functions in advertising texts. It aims to study different lexical, morphological, syntactical means of double negation at all lingual levels to better understand and evaluate the advertising information. Double negation is one of means of expressing the intensity in the language. It performs some functions in advertising texts – informational, emotional, expressive functions and others. Double negation plays the role of informational attractant and intensifier of appraisal and emotionality in advertising discourse. The means of double negation in advertising texts are subservient to the effective decision of the communicative and pragmatic aims of advertising discourse.

Ключевые слова: двойное отрицание, утверждение, положительный, экспрессивный, эксплицитный, имплицитный, рекламный дискурс, коммуникативный, оценка, немецкий язык, лексический, языковой, маркер, средства выражения отрицания, морфологический, прагматический, семантическая структура, предложение, синтаксический.

Key words: double negation, assertion, affirmative, positive, expressive, explicit, implicit, advertising discourse, communicative, evaluation, the German language, lexical, lingual, marker, means of negation, morphological, pragmatic, semantic structure, sentence, syntactical.

Особый интерес при изучении языковых средств негации представляет двойное отрицание, присущее полинегативным языкам, но использование которого наблюдается и в монологичных языках. Немецкий язык относится к монологичным языкам, и языковые нормы не разрешают многократное использование средств отрицания в одном предложении. Но практика показывает, насколько широко стало применяться двойное отрицание в рекламных сообщениях.

Рекламный текст дает красочное, образное изложение, позволяющее читателю видеть события глазами их участников, «чувствовать вкус и запах происходящего» [5, с. 136]. Несмотря на то что рекламный текст тяготеет к схематичности и шаблонности, создатели рекламы ищут новые способы использования языковых средств, новые лексико-семантические, стилистические и синтаксические приемы для увеличения эффективности рекламных сообщений с целью воздействия на адресата и реализации прагматических интенций рекламного дискурса. Одним из таких способов использования языковых средств и является двойное отрицание в немецкоязычных рекламных текстах.

Исследуя кумулятивное (двойное) отрицание как разновидность языкового отрицания, О. Есперсен подводит психологическую основу его использования в предложении, где, уничтожая друг друга, два отрицания выражают определенное колебание адресанта в истинности высказывания и ослабляют «умственную энергию» адресата. Многократное отрицание (если оно относится к разным словам) усиливает отрицательную окраску предложения и облегчает процесс восприятия высказывания. О. Есперсен видит в этом избыток средств выражения и чрезмерную эмфатичность, но никак не иррациональность и отсутствие логики [3].

Рассматривая двойное отрицание как избыток средств негации в высказывании, ряд ученых определяют его как «плеонастическое отрицание» [4]. Такое определение неприменимо к рекламному тексту, поскольку создатели рекламы на ограниченном информационном пространстве должны кратко и лаконично представить рекламный материал и ведут тщательный отбор языковых средств.

В.Н. Бондаренко выделяет два типа двойного отрицания:

✓ отрицательная частица (или аффикс) + средство усиления (отрицательное местоимение или наречие): *Es ist nie unmöglich*;

✓ два отрицания при одном и том же члене или группе членов предложения.

Второй тип В.Н. Бондаренко называет «отрицание отрицания». Данную разновидность двойного отрицания он связывает с контекстом и дефинирует как семантическое значение противопоставления, возражения и исправления [1].

Говоря о многократном отрицании, В.Н. Бондаренко утверждает, что четное количество отрицаний в предложении равнозначно утверждению, нечетное придает предложению отрицательное значение и считает это закономерным для всех языков. В немецком языке употребляется только двойное отрицание – отрицание отрицания [1, с. 138].